

ОТ «НАЧАЛЬНИКА ЧУКОТКИ»

Людмила КУДРЯШОВА

В кино отец носил меня под шубой

— Виталий Вячеславович, для начала разрешите поздравить вас с бриллиантовым юбилеем. Можно полюбопытствовать, а где вы появились на свет?

— Это было 1 мая 1928 года на Дальнем Востоке в городе Свободном. Оцените, насколько идеологически выдержанным было у меня начало! Мой отец был лесничим, и мы постоянно передвигались из одной глухомани в другую. Запоминались лишь самые экзотические места, к примеру, как мама везла меня на саночках в Китай.

— Незаконный переход границы?

— Во время Гражданской войны казачья станица Покровка, у истоков Амура, разделилась на две части. Одна осталась советской, а другая перешла реку и оказалась на китайской территории. Зимой на реке была общая прорубь, куда мать меня часто приводила за водой. Помню, как женщины очень шумно ругались, выясняя, очередь какого государства, советского или китайского, эту прорубь чистить. Власти в наши края наезжали изредка: добраться сюда можно было только летом и по воде. В станице шла своя жизнь, существовали свои временные «международные» договоренности. Мой фильм «Начальник Чукотки» начался именно с таких «домашних» представлений о госгранице и других важных политических вещах.

— Существовали ли в тех далеких краях кинотеатры?

— В Благовещенске, на излете НЭПа, было два кинотеатра. Один частный — «Мираж», где показывали мелодрамы и продавали пирожные (!), и государственный — «Гигант», где шли правительственные советские фильмы. Пересекая дорогу, я попадал то в мир «Миража», то в мир «Гиганта». Времена были строгие — детей пускали только на специальные сеансы, и отец проносил меня под шубой. Я цеплялся в мех и висел, как обезьяна, а потом, когда контроль был позади, выпрыгивал.

— Так это отец приучал вас ходить в кино?

— Недолго. Судьба была у семьи жестокая, в 37-м году его расстреляли, по доносу, как врага народа. Отец, насколько я помню, был человеком веселым и острым, видимо, язычок ему сыграл плохую службу. Мы с матерью спешно уехали с Дальнего Востока в глухую Сибирь, туда, где находится сейчас Ханты-Мансийск. Эти места отстраивали ссыльные. Их привозили целыми деревнями на баржах, давали в руки пилы и оставляли на «диком берегу» Иртыша. Деревня, где мы осели, называлась Перековка (там, где, так сказать, перековывают людей). Всех раскулаченных и неугодных со времен Гражданской войны свозили в такие места. При мне на трех пароходах привезли в конце войны целую Калмыкскую республику во главе с Верховным советом. Было странно видеть в этих местах кривоногих калмыкских старух с трубами в зубах, от которых еще пахло конским потом и степным ковылем.

Киносборник № 6

— Пришел 45-й год, и началась великая миграция населения. Эта весенняя сумятица приоткрыла кое-кому ворота, в том числе и мне. Я получил в школе золотую медаль (в виде грамоты на тетрадном листке), что придало мне не обычной уверенности в себе. И я решил, размахивая этой бумажкой, ехать в Москву, поступать во ВГИК.

— Почему вы выбрали именно кино?

— Во время войны существовали агитбригады, которые представляли собой кинопередвижку с «боевыми киносборниками» и группу художественной самодеятельности. На большой лодке, крытой брезентом, мы передвигались от деревни к деревне. Я был включен в такую бригаду в качестве рабочей силы: грести веслами и

Старейшина «Ленфильма» Виталий Мельников подготовил подарок к грядущему юбилею города и своему собственному. В конце мая состоится премьера заключительной картины его трилогии о становлении российской государственности «Бедный, бедный Павел». Опережая юбилейную суету, с режиссером встретился корреспондент «Вечерней Москвы».

ДО

Режиссер Виталий Мельников снял фильм о Павле I

крутить динамку, ручную электромашину, которая давала свет. За этим занятием я научусь выучил все фильмы, которые были в моем распоряжении, а «Киносборник № 6» знал по кадрику. Так я увидел кино изнутри, как некий механизм, творящий чудо у меня на глазах.

— Семнадцатилетним подростком вы приехали в столицу. Ласково она вас встретила?

— В Москву я добирался около месяца: сначала в дровяном трюме парохода, потом в солдатском эшелоне, ехавшем с Японского фронта. Когда добрался до столицы, я был без еды, так как всю провизию съел по дороге, без крова — с одним заплечным мешком. Здесь началась отдельная история, которую можно назвать вне-

дрением в Москву послевоенную. До приемных экзаменов во ВГИК я жил в студенческих общежитиях, подрабатывал, спекулировал...

— То есть как?

— После войны была необычайная тяга к театру, все офицеры, ехавшие транзитом через Москву, стремились в Большой, во МХАТ, туда, чем они бредили на фронте. И если постоять ночь и купить билет, можно было продать его по спекулятивной цене. Фронтовики не скупились.

— Как все-таки вам удалось покорить неприступный ВГИК?

— Дичайшим образом. Явился туда со своей бумажкой, а там — фронтовики с орденами и льготами. Положение мое было почти безнадежным. Я чудом попал на последнее заседание приемной комиссии. Прихожу, а там сидят солидные дяденьки (Эйзенштейн, Довженко и прочие). Меня спрашивают, откуда я и как сюда попал. «В эшелоне», — отвечаю. Насторожились. Стал объяс-

САМОДЕРЖЦА РОССИЙСКОГО

ДОСЬЕ «ВМ»

Виталий Вячеславович Мельников, кинорежиссер. Народный артист России. Родился 1.05.1928 г. в городе Свободном Амурской области. В 1952 году окончил режиссерский факультет ВГИКа (мастерская Юткевича и Ромма). Работал на к/с «Леннаучфильм», с 1964 г. — режиссер-постановщик на «Ленфильме». С 1995 по 1999 г. — председатель Санкт-Петербургского союза кинематографистов. Снял более 20 картин, среди них «Начальник Чукотки», «Семь невест ефрейтора Збруева», «Старший сын», «Лунной был полон сад», а также историческая трилогия «Империя, век XVIII: Царевич Алексей», «Царская охота», «Бедный, бедный Павел». Премьера картины «Бедный, бедный Павел» приурочена к 300-летию Петербурга.

бы звать в заоблачные дали коммунизма, сделал картину, «о каких-то грубых, примитивных людях, которым важно, чтобы у них были квартира, семья». Картина не запретили — ее просто не показывали в кинотеатрах и не тиражировали — это была «изысканная» форма борьбы с неугодными работами. А моя «Утиная охота» по Вампилову была под запретом в течение 8 лет. На экранах было столько трескучего, фальшивого, лжевозвышенного, что само по себе отражение обычной жизни, рассказ о простых людях, об их проблемах — было против течения, считалось «фрондой».

Государево дело превыше всего!

— Чем увлекла вас далекая отечественная история?

— У меня была идея фиска: сделать большой исторический сериал. До перестройки было очень осторожное отношение к материалу, связанному с нашей историей, — боялись всяких аналогий, «аллюзий», да и проект был не из дешевых. Но грянула перестройка, и я получил возможность снять «Царскую охоту». Эта картина стала первым кирпичиком, пусть не сериала, но трилогии о самом ярком периоде российской истории, который можно назвать «становлением российской государственности». По хронологии сначала идет «Царевич Алексей» о Петровских временах, потом «Царская охота» — екатерининская эпоха, а завершает ее «Бедный, бедный Павел» — грань веков, кризис XVIII века.

— Чем заинтриговала вас история Павла?

— Павел знал о существовании заговора и ничего не предпринимал, невольно возникало ощущение, что он желал собственной гибели.

— «Бедный, бедный Павел» — откуда это название?

— Павел часто рассказывал, что видел во сне своего прадеда, Петра I, и якобы Петр подошел к нему и пожалел: «Бедный, бедный Павел».

— Чем, вы полагаете, век восемнадцатый может быть интересен людям двадцать первого?

— В Российской империи человека в грош не ставили, всегда говорили: «Государево дело превыше всего!» А кто именно и кому

дал право управлять российским человеком? До какой степени оно, это право, простирается? Всякий суший в России приходит к этому вечному вопросу. Это ведь шлейф проблем от века восемнадцатого. Каждый раз, когда я делаю картину, связанную с российской историей, меня спрашивают: «А что ты имел в виду, снимая то или это? На что, так сказать, намекаешь?» «Ни на что!» — отвечаю я. Российская история так часто идет циклами, схожими поворотами, что, делая картину про XVIII век, невольно снимаешь и про XX. Нужно просто знать свою историю.

— Приглашение на роль Павла Виктора Сухорукова — это риск, эксперимент или счастливая встреча?

— Меня все время пугали, что я беру артиста, у которого есть определенный шлейф от других ролей, который будет мешать в этой картине. Я встретился с Виктором, поговорил — и взял на роль без пробы. Как оказалось, он даже внешне похож на императора, только нос подтягивали специальным пластырем, чтобы он стал коротким и вздернутым.

— По словам Сухорукова, он был так взволнован, узнав, что ему «достался» Павел, что бросился вас обнимать.

— Да (смеется). Он очень хотел сыграть эту роль. Работал интересно, можно сказать, самоотверженно.

— Опять же ссылаюсь на Сухорукова, который рассказывал, что в домашней церкви Гатчинского дворца попросил прощения у Павла за то, что будет «клоуном его персоны».

— Подробностей я не знаю, но Сухоруков время от времени говорил, что Павел нам помогает. Действительно, в работе над картиной было много странного, мистического, как и в самой истории Павла. К примеру, у нас была совершенно неразрешимая проблема: вся история идет параллельно со строительством Михайловского замка. Как убедительно показать его рождение? Ведь построить мощную декорацию мы бы не смогли — не было денег. И вдруг, в преддверии 300-летия Петербурга, «отпустили» деньги, чтобы отремонтировать замок. В результате он предстал перед нами в лесах, каким ему и положено было быть в павловские времена.

Санкт-Петербург

«Сухорукова на роль Павла я взял без проб»